

Яна
ЮМАТОВА

Бывшие.
 Сам ты дед!

Яна Юматова

Бывшие. Сам ты дед!

«Автор»

2026

Юматова Я.

Бывшие. Сам ты дед! / Я. Юматова — «Автор», 2026

Мне кранты! Я гендиректор строительного холдинга, объекты по пятьдесят тысяч квадратов сдаю. Но чем кормить двухлетку, которую мне подкинула дочь, перед тем как умчаться на самолёт, — понятия не имею. Ещё и записку оставила: «Пап, ты справишься!» Молодая невеста при виде ребёнка сбежала к подружке. Остаётся один вариант: бывшая жена. Только у Катерины, оказывается, «романтические выходные». Ухажёр у неё, етить его за ногу! С яхтой! А на ней самой — купальник, который... кхм. Не по возрасту откровенный, вот что! Короче, мне срочно нужен план «Б»: пристроить внуку, вернуть жену... В смысле — не дать бывшей наделать глупостей!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Юматова

Бывшие. Сам ты дед!

Глава 1

— Почему отчет еще не у меня? Никифоров, ты совсем оборзел? Объект горит, приемка через месяц, а ты на больничном валяешься! Меня не волнует, что ты ногу сломал! Не голову же! Через час чтоб был отчет!

Нажимаю на отбой, поднимаясь на сорок пятый этаж своего офиса. Створки лифта звякают, и я почти физически ощущаю, как все сотрудники вытягиваются по струнке.

Размашисто шагаю к своему кабинету.

— Петр Иванович, там... — секретарша Олечка с округленными от ужаса глазам смотрит в сторону двери. Но мне некогда обращать внимание на эмоции секретарши — с утра настроение испортили уже дважды: Милана с ее “ретритом” — что это за хрень такая??? — и Никифоров. Поэтому я взмахиваю ладонью в жесте “мне не до тебя”, вхожу в свой кабинет.

И охреневаю...

Зажмуриваюсь, моргаю, но картинка не меняется — на моем столе сидит девочка лет двух и самозабвенно расчерчивает маркерами какие-то бумаги.

Надеюсь, не контракт с Мосгорстроем.

— Это ваша дочь... — блеет Олечка сзади.

— Какая, к чертям, дочь! Оля, совсем в свои пасьянсы заигралась! Моей дочери уже двадцать пять!

— Это ваша дочь оставила ребенка!

А я уже возле стола люблюсь на голубоглазое чудо со светлыми кудряшками. В последний раз мы виделись почти год назад, когда Алька прилетала со своих Бали-мали, и Аленка тогда была вообще мелкой кнопкой.

— Айда к деду!

Поднимаю малышку, которая радостно тянет ко мне ручки, и подкидываю ее в воздух.

Кнопка заливается веселым смехом, а у меня на душе так радостно. Все-таки моя кровинка, да еще и на Альку маленькую похожа.

— Оля, соедини меня с Алиной, — кричу я через открытую дверь. — И печенюшек организуй нам.

— Петр Иванович, тут такое дело... — Оля мнется в дверях, нервно одергивая подол юбки. — Алина Петровна предупредила, чтобы вы ей не звонили. Она будет не в сети.

— Как это — не в сети? А Аленку она когда собирается забирать?

— Она вот вам письмо оставила, — секретарша протягивает мне конверт дрожащей рукой.

— Так, ну-ка поддержи эту барышню, — передаю Оле малышку, а сам открываю конверт и вытаскиваю листок А4:

“Привет, пап!”

У меня очень классное предложение по работе, я не имею права отказаться от него. Аленку оставляю тебе, знаю, что ты позаботишься о внучке.

Мне не звони — я буду в таких дебрях, что ни одна связь не пробьется.

Маму я не хочу напрягать — у нее все-таки роман только закрутился, может, Мирон — ее судьба и второй шанс на счастье.

*Ты-то свое счастье уже нашел. Как раз твоей Милане будет практика с детьми.
Все, я убежала, у меня самолет.
Целую,
Твоя дочь)*

Приехали, ёшкин-матрёшкин...

В три часа дня я понимаю, что работать сегодня больше не буду. Алёнка изрисовала три сметы, опрокинула стакан с карандашами, и Оля к концу дня больше похожа на дрожащий осенний лист, который вот-вот испустит дух.

— Ну что, Аленушка, поедem в гости к деду? У деда хоромы царские! Не то, что скворечник под пальмами у твоей мамочки с шилом в одном месте, — за ручку с Кнопкой спускаюсь в паркинг, забираю у охраны сумку, которую оставила Алька. Сумка, между прочим, большая — и на сколько же дней рассчитан этот её «классный проект»?

В машине внучка засыпает, и до квартиры я несу её на руках, шикая на консьержа, чтобы не гремел дверью.

Милана встречает нас в прихожей — на каблуках, в блестящем платье, с сумочкой размером с ладонь.

— Петенька, привет! — моя девушка привычно чмокает меня в щеку, обдавая сладковатым ароматом духов, а потом замечает ребенка у меня на плече, и улыбка сползает с идеально-накрашенного личика. — Ой, а это что? — она смотрит на Алёнку так, будто я притащил с помойки котёнка. Причём блохастого.

— Внучка моя, Алёнка. Поживёт у нас.

— В смысле — поживёт? Петь, у меня сложная неделя, мне нервничать нельзя никак — реклама уходовой косметики на носу. А сейчас мы с Кристиной в клуб едем на презентацию, — она обходит нас по дуге, как будто дети заразные. — Я, наверное, лучше, заночую у неё... Раз ты все равно будешь занят, — каблуки цокают к лифту, и дверь захлопывается.

Ладно, мы с Алёнкой и вдвоём не пропадём.

До вечера я успеваю одуреть от мультиков с канала “Карусель” и перестать нервничать из-за белоснежного дивана на три миллиона: его все равно уже не спасти от апельсинового сока и шоколада...

Когда Аленка начинает тереть сонные глазки, несу внучку в гостевую. Алёнка обводит взглядом чужую комнату и выдаёт такой рёв, что у соседей снизу наверняка срабатывает сигнализация.

— Деда! Казку!

— Внуча, дед сказок не знает. Дед знает СНИПы и график приёмки объекта, — растерянно чешу затылок, стараясь припомнить хоть что-нибудь из Алькиного детства. Блин, я и не рассказывал дочке ничего, потому что пропадал на стройке сутками, поднимая бизнес....

— Ка-а-азку!

— Ну хочешь, расскажу, как Никифоров ногу сломал? Смешная история.

— Пе-е-есенку давай!

Из песен я помню гимн и «Владимирский централ», а двухлетке ни то, ни другое не годится.

К десяти мы перебираемся на кухню. Я спросил у “Алисы”, как успокоить двухлетнего ребенка, и та сказала, что нужно молоко и печенье.

Наливаю молока, выдаю печенье, и минут на десять наступает перемирие. За эти десять минут кухня перестаёт быть кухней: молоко почему-то оказывается даже на холодильнике, крошки хрустят под ногами, а одно печенье внучка заботливо размочила в моём чае.

Потом мы снова смотрим мультики про каких-то писклявых зверей, строим на полу башню из кастрюль и строительных журналов. Кстати, нужно выбросить их – технологии давно устарели, да и проекты те я уже сдал давно.

К трём часам ночи я дохожу до того, что читаю ей вслух строительный каталог, и где-то на сваях ленточного фундамента Алёнка наконец начинает клевать носом.

Под утро она засыпает прямо на мне, в кресле, вцепившись кулачком в мою рубашку. Сижу, боюсь пошевелиться и смотрю, как за окном светлеет. В голове после бессонной ночи всего одна мысль, зато кристально ясная.

Второй такой бодрой ночи я не выдержу. Мне срочно нужен план «Б».

Глава 2

Катерина

— Мам, ты главное не теряй меня, ладно? Проект бомбический, я не могла отказаться, а связи там не будет совсем, — тараторит Алина, и за её голосом я слышу гул аэропорта.

— Аля, погоди. А Алёнка с кем останется?

— В самых надёжных руках, мам! Всё, посадку объявили. Целую, ты лучшая!

В трубке остаются короткие гудки. Вот и поговорили. Впрочем, за двадцать пять лет я привыкла: моя дочь сначала делает, а потом уже рассказывает подробности.

Надёжные руки — это, видимо, няня.

Мне немного грустно, что моя девочка растит ребенка одна, но я горжусь ее силой и гордостью. Лучше быть одной, чем мириться с предательством мужчины. Когда моя дочь узнала о том, что ее жених изменяет ей, она сразу же порвала с ним отношения, даже о беременности своей не сказала. Закончила экстерном университет, получила диплом и улетела в Азию. Там родилась Аленка. Я помчалась, естественно, к ней на рождение, но через месяц Аля отправила меня обратно. Современные мамочки не страдают от недосыпа, как мы. Работают удаленно, лучше нас знают, как купать и пеленать малышей, и вообще нанимают нянь - и дневных, и ночных.

Алина прилетает в Москву каждые полгода, тогда-то я с внучкой и вижусь. Только вчера мы гуляли в парке все вместе, а Алька ничего не сказала про проект. Видимо, неожиданное и очень заманчивое предложение.

Ну и славно, потому что у меня, между прочим, впервые за пять лет после развода романтические планы на выходные.

Кладу телефон на комод и возвращаюсь к чемодану. Магазин до понедельника остаётся на Лизу — девочка она толковая, справится и с поставкой, и с кофемашиной, которая иногда капризничает. Покупатели её любят, а больше в моём книжном с кофейней ничего и не требуется: люби людей и не путай латте с рафом.

А я еду на водохранилище с мужчиной.

Господи боже мой! Сама не верю в то, что я действительно решилась поехать к нему!

Мирон ухаживает за мной полгода. Каждую пятницу привозит в магазин цветы, и Лиза уже жалуется, что вёдер не хватает. Дверь машины открывает, слушает не перебивая. За полгода он ни разу не повысил на меня голос и ни разу не опоздал. После двадцати лет в браке с Петром Ивановичем Городецким такое отношение ощущается, как общение с инопланетянами.

Близости у нас ещё не было. Мирон не торопит, только смотрит иногда так, что я в свои сорок семь заливаюсь румянцем, как студентки – посетительницы моей кофейни. А на этой неделе он позвал меня к себе за город — дом у воды, яхта, «Катенька, просто отдохнём». И я решила: хватит ждать непонятно чего и сторожить прошлое, которому на меня давно наплевать. Книгу под названием «Петя» пора захлопнуть, поставить на самую дальнюю полку и пыль с неё не вытирать.

Тем более сам Петр после развода не горевал ни единого дня. Сначала была юная Снежана, потом какая-то фитнес-Яна, потом кто-то из инстаграма с губами. Милана у него, если я правильно считаю, номер пять. Я себя ругаю за то, что вообще веду этот счёт, но цифры — штука прилипчивая.

Достаю из пакета новый купальник. Продавщица так уговаривала его купить, что я сдаюсь. Сама бы я на такой откровенный никогда не решивалась. Примеряю перед зеркалом, поворачиваюсь одним боком, другим. А что, очень даже.

В дверь звонят. Наверное, Лиза за ключами от склада. Набрасываю лёгкий халат-парео и иду открывать.

— Бабуя! — визжит радостно Алёнка. А за ней – мой бывший муж с такими красными глазами, будто всю ночь лично принимал объект.

— Солнышко моё! — подхватываю её на руки, целую в тёплую макушку и только потом поднимаю взгляд на Петю. — Так-так. Надёжные руки, значит.

— Кать, есть кофе? — хрипит он.

Пускаю, куда деваться — ребёнка-то надо покормить. Алёнка виснет на мне и рассказывает про башню из «кастюлек», а я ставлю сковородку и завожу тесто на блины.

Петя тем временем оседает за мой кухонный стол и бубнит про выходку Альки.

Слушаю злключения своего бывшего и испытываю что-то подозрительно похожее на удовольствие. Пять лет этот человек жил по расписанию «офис, банкет, фитоняша», и вот сидит у меня на кухне, побеждённый двухлеткой.

— Короче, Кать, — он проглатывает третий блинчик, — забери Аленку к себе, а? Ей же с тобой лучше, ты умеешь всё это... — он делает неопределённый жест блинчиков на вилке, — сказки, песенки, косички.

Я даже сковородку отставляю, чтобы полюбоваться на эту наглость в полный рост.

— Нет уж, Петенька. Я больше не ездовая лошадь, скинуть на меня проблемы не выйдет. Аля решила, что Алёнке будет хорошо с дедом? Значит, так и есть, дочь у нас умная. А у меня, представь себе, романтические выходные.

— Какие ещё выходные? — Петя моргает, и тут его взгляд цепляется за вырез парео, под которым купальник. Он аж жевать перестаёт. — Это что на тебе такое? Не слишком ли откровенно... в твоём-то возрасте? Ты, между прочим, бабушка!

Ах, бабушка. Ну держись!

— Сам ты дед!! — упираю руки в бока. — Всё, завтрак съели? Вот и молодцы. — Вытираю Алёнке щёки, целую, сую Пете в руки розовый рюкзачок. — Купи ей на вечер кефир, на утро кашу и творожки. И вагон терпения — это уже себе. Справишься, ты же тысячей мужиков командуешь.

— Кать, ну...

— И невесте привет. Пусть практикуется, — говорю я и закрываю за ними дверь.

Прислоняюсь к ней спиной. С лестничной площадки доносится звонкое «деда, а куда мы тепель?» — и мне на секунду даже становится их жалко. Но я прогоняю этот порыв. Возвращаюсь в спальню к чемодану. Складываю купальник, потом, подумав, достаю из ящика второй — ещё откровеннее. И кладу оба, чисто из вредности.

Глава 3

План «Б» провалился с треском, поэтому мы с Алёнкой едем в супермаркет выполнять указания бывшей жены. Кефир, каша, творожки. Казалось бы, три позиции — я объекты по пятьдесят тысяч квадратов сдавал.

Через сорок минут в моей тележке лежат: кефир четырёх видов, потому что внучка тыкала пальцем во все подряд, обещанная каша, творожки, розовый зонтик, надувной круг с утёнком и говорящий игрушечный хомяк. Хомяка я покупать не собирался. Он стал последним доводом, когда Алёнка легла на пол возле касс и заревела так, что охранник пошёл проверять, не отбираю ли я ребёнка у настоящих родителей.

— Мужчина, вы папа? — интересуется кассирша, пробивая утёнка.

— Дед, — отвечаю с достоинством.

— Да ладно! По вам и не скажешь.

Приятно, конечно. Но хомяка это не отменяет.

Дома выясняется, что такую кашу Алёнка не ест. Точнее, ест, но не ложкой и не в себя — стену возле стола она разрисовала овсянкой не хуже, чем вчера мои сметы. Творожок идёт лучше, правда, достаётся не только внучке: половину она честно запикивает хомяку в пасть — «ням-ням, хомя!» — и теперь он вместо песенки хрипит и повторяет всё голосом утопленника.

Вечером звонит Лёха Савельев — мы с ним с института дружим, у него свой бетонный завод.

— Петруха, ты куда пропал? В субботу в баню идём?

— Не до бани мне, Лёх. Еле на ногах стою.

— А вот не надо было молодую заводить себе, — ржет друг.

— Да ты не туда думаешь. Я внуку купал.

— Чего делал?!

— Алёнку купал. Алька внуку мне подкинула и улетела куда-то. Короче, докладываю обстановку: если соседи снизу завтра предъявят счет за потоп, спорить не буду. Воды в ванной осталось меньше, чем на полу.

— погоди, а чего хрипишь? Простыл?

— Да шампунь это. Детский, «без слёз» называется. Так вот, Лёха, запомни: это рекламный ход. Брешут, черти, как дышат! Щиплет похлеще взрослого.

— Тебе-то откуда знать?

— Оттуда. Плескалась она, а зажмуриться не успел почему-то я.

Лёха ржёт так, что я отодвигаю трубку от уха.

— Ой, не могу... Пётр Иванович... гроза генподрядчиков... шампунем контуженный...

— Посмейся мне ещё. Приезжай лучше, поменяемся: ты сюда, я к тебе на завод.

К обеду сно понимаю, что до понедельника не доживу, и звоню в агентство нянь. Девушка на трубке щебечет про анкету и собеседование на следующей неделе.

— Милая, — перебиваю я, — двойной тариф, если няня будет у меня через два часа.

Через два часа приезжает Регина Альбертовна. Тетка бывалая, взгляд такой, что я бы её начальником участка поставил не глядя. Алёнка глядит на неё исподлобья и заходится таким рёвом, что Регина Альбертовна отступает к дверям на пару минут, а потом губы в нитку и на бордаж. Всё-таки она профессионал: успокаивает, отвлекает, достаёт какие-то карточки с зайцами. Не помогает ничего. Через час на её белоснежной блузке ложка каши, в глазах — все, что она имеет сказать, но из этики, не говорит:

— Пётр Иванович, ребёнку сейчас нужна не няня, а близкий человек. У девочки стресс, мама уехала. Чужих она не примет.

— Тройной тариф?

— Всего доброго.

Вечером возвращается Милана. Заходит в гостиную на своих каблуках, обводит взглядом поле боя — разбросанные кастрюли, зонтик, мокрого хомяка на батарее — и у неё дёргается глаз.

— Петя, что это такое?!

— Это внушка у деда гостит, — я как раз вылавливаю из аквариума, который притащила Милана, утонувший творожок.

— Мой халат! — из спальни раздаётся вопль. — Она вытерла руки о мой шёлковый халат! Он тысячу евро стоит!

— Постираем.

— Его нельзя стирать, его можно только хоронить! — Милана влетает обратно с халатом наперевес. — Петя, я так не могу. Я молодая женщина, у меня ретрит в субботу, у меня фото-сессия во вторник. Отправь её куда-нибудь!

— Куда, в камеру хранения?

— Ну есть же у неё и бабка тоже! Вот пусть и возится, это женское дело. А ты, между прочим, обещал мне Мальдивы в сентябре!

И вот тут меня переключивает. И Мальдивы, и ретрит и грубое «бабка» — всё разом.

— Она не «бабка», а Катерина Андреевна, — слышу собственный голос, ледяной, как водка в морозилке у Лехи. — И не смей называть мою внучку «она». У неё имя есть.

Милана хлопает наращёнными ресницами, потом хватается сумку и заявляет, что поживёт у Кристины, пока я «не решу вопрос». Дверь захлопывается уже второй раз за два дня, и я ловлю себя на странном: вчера мне было всё равно, а сегодня даже полегчало.

Ночью Алёнка засыпает быстрее — умоталась за день. Лежит на моей руке, сопит, ресницы мокрые ещё после рёва по маме. Я сижу в темноте, рука затекла, но шевелиться нельзя, это я уже усвоил.

И думаю почему-то не про отчёт Никифорова и даже не про Милану с её халатом.

Думаю про то, что Катька раньше была куда покладистее. Двадцать лет всё на ней держалось — дом, Алька, мои командировки, и ведь ни разу не сказала «я не ездовая лошадь». А тут стоит в дверях, руки в бока, глаза сверкают — и не подступишься. Когда она успела стать такой зубастой? И главное — кто её этому научил?

И купальник этот чёртов. Очень он ей идёт, вот что самое обидное.

Глава 4

Катерина

Загородный дом у Мирона такой, что мой книжный поместился бы в его гостиной вместе со складом. Терраса выходит на воду, у причала покачивается белая яхта, а на кухне нас ждёт корзина фруктов и записка от домработницы, что ужин в духовке.

— Нравится? — Мирон угощает меня бокалом прохладного лимонада.

— Очень, — честно отвечаю я.

И не вру. Здесь красиво, тихо, пахнет соснами и нагретыми досками причала. Мы катаемся на яхте, обедаем на террасе, Мирон рассказывает смешное про своих партнёров и подливает мне домашний лимонад. Всё ровно так, как я хотела.

Только сердце у меня почему-то не на месте.

Ловлю себя на том, что третий раз за час проверяю телефон. Сеть здесь еле дышит, и я хожу с трубкой по террасе, выискивая палочки. Как там Алёнка? Поела? Спала днём? Петя же не знает, что после дневного сна её надо десять минут подержать на ручках, иначе слёзы...

— Катюш, — Мирон накрывает мою руку ладонью, — ты такая напряженная. Может, массаж тебе сделать?

— Лучше покажи мне свой сад, — смущаюсь я и краснею, как школьница.

Но телефон убираю. В конце концов, я сюда зачем приехала? Уж точно не для того, чтобы карулить звонок от бывшего мужа.

К вечеру Мирон открывает вино — «под наш первый настоящий вечер». Мы сидим на террасе, солнце садится прямо в воду, после второго бокала его рука ложится мне на плечо, и я твёрдо решаю не мешать событиям. Пять лет я в девках. Хватит.

Мирон наклоняется ко мне, и в этот момент на террасе раздается деликатное покашливание:

— Мирон Аркадьевич, прошу прощения. Там у ворот Пётр Городецкий. Говорит, приехал за Катериной Андреевной.

Я вскакиваю так, что бокал едва успевает подхватить Мирон.

Алёнка!

Если Петя примчался сюда, за сорок километров, значит, случилось страшное. Пока я бегу к воротам на своих дурацких танкетках, успеваю представить и больницу, и скорую, и температуру под сорок.

За воротами стоит Петин джип. А в джипе, в автокресле, сидит живая и здоровая Алёнка и машет мне печеньем.

— Бабуля пьехала!

Ноги у меня делаются ватными — теперь уже от облегчения. А следом накатывает такая злость, что хоть прикуривай от меня.

— Городецкий! Что. Случилось.

— Ревёт третий час, бабулю зовёт, — Петя разводит руками, и вид у него самый несчастный. — Я всё перепробовал: хомяка, мультики, журналы ей читал. Кать, ну не выдержало моё сердце.

— Твоё сердце? А как ты узнал, где я?!

— У меня служба безопасности не зря хлеб ест.

Сзади неслышно подходит Мирон. С полминуты мужчины смотрят друг на друга, потом Мирон говорит спокойно:

— Кать, если тебе нужно уехать, я пойму.

Он безупречен даже сейчас, и от этого мне почему-то ещё обиднее. Прощаюсь и обещаю позвонить, сажусь в Петин джип — Алёнка уже тянет ко мне ручки, и выбора у меня, по совести, нет.

Минут через десять внука засыпает в автокресле. Я оборачиваюсь проверить — сопит — и поворачиваюсь к Петру.

— Значит, сердце у него не выдержало, — начинаю свистящим шёпотом. — А когда у мамы юбилей был, семьдесят лет, весь стол зятя ждал — у тебя сердце где было?

— Кать, ну там объект горел...

— У тебя двадцать лет всё горело! Аля в больнице лежала, перед операцией плакала, папу звала. Папа где был?

— На приёмке... — бормочет он уже тише. — Я же приехал потом. С апельсинами.

— С апельсинами! Ребёнок от наркоза отходил, а он с апельсинами. — Перевожу дух. — А на моё сорокалетие что было, помнишь?

— Ну... праздновали же.

— Подарок свой помнишь? Сертификат, Петя. В фитнес-клуб!

— Кать, ну сертификат-то хороший был. Безлимитный...

— Это был намёк, что я толстая!

— Да не было там намёка! — он даже от дороги взгляд отрывает. — Мне маркетолог посоветовал...

— Молчи и рули. — Отворачиваюсь к окну. — Двадцать лет я это терпела. А теперь ты той же наглой мордой въехал в мой первый за пять лет роман. Со своей службой безопасности.

— Кать...

— Рули, я сказала.

И он рулит. Причём поглядывает на меня так виновато, что злость приходится раздувать в себе, как костёр в сырую погоду.

У моего подъезда Петя глушит двигатель и, глядя в лобовое стекло, бурчит:

— Слушай, а может, я это... на ужин зайду? Я бы и Алёнку донёс, и вообще.

Ужин ему. Нет, вы поглядите!

— Кормить я буду внуку. А ты, Петенька, езжай к своей Милане и салату из сельдерея. Тебе полезно.

Беру сонную Алёнку на руки, вешаю на плечо розовый рюкзачок и ухожу, не оглядываясь. Спиной чувствую, как он стоит у машины и смотрит, но дверь подъезда закрываю твёрдо.

Дома делаю внуке омлет с брокколи и помидорками. Алёнка обзывает брокколи «деревками», но съедает весь лес до последней макушки и докладывает, что «деда читал пло кильпичи» и что «деда холосый».

И тут я совершенно не к месту вспоминаю, как этот «холосый» смотрел в лобовое стекло. Осунулся ведь. Щёки впали, под глазами круги темные — похудел, что ли, на своих фитоняшах и сельдерее?

Так, стоп, Катерина Андреевна. Вы его ещё пожалейте. У него невеста есть для этого! А у нас с Алёнкой дела поважнее: мультик на ночь и «пло кота» спеть.

Глава 5

К среде у меня вырабатывается система. Утром — планёрка, после — «дела в городе». Дела в городе выглядят так: заезжаю в кондитерскую, потом к Кате, отдаю гостинец, сижу часок с Алёнкой и уезжаю на объект.

В понедельник поводом был забытый в джипе панамка. Во вторник я вёз кефир — тот самый, «клубничный, с котиком», других внучка не признаёт. В среду повода не нашлось, и я купил торт.

— Опять ты, — Катя стоит в дверях, загораживая проход, но из глубины квартиры уже несётся «деда пгышол!», и деваться бывшей жене некуда.

— К внучке я, — поднимаю торт повыше, как пропуск.

— Угу. Третий день подряд.

— Скучаю, — отвечаю честно и протискиваюсь в прихожую.

Алёнка тащит меня смотреть рисунок — «колаблик», в котором корабль опознал бы не всякий эксперт. Катя ставит чайник. Пока она режет торт, я осматриваюсь по хозяйству и нахожу непорядок: полка в прихожей висит на одном шурупе.

— У тебя полка падает.

— Она пять лет так висит.

— Вот именно. Инструмент где?

— Петь, не начинай...

Через двадцать минут полка сидит намертво, петля на кухонной дверце подтянута, а я заканчиваю осмотр смесителя.

— Кран подтянуть надо.

— Он не капает!

— Будет. Я по звуку слышу. Завтра заеду с прокладкой.

— Городецкий, — Катя отбирает у меня отвёртку, — имей совесть, завтра воскресенье, мы с внучкой будем спать до обеда.

— Вот именно, выходной. Самое время для сантехники.

Она поджимает губы, но я-то вижу — не от злости поджимает, а чтобы не улыбнуться. Уезжаю на объект в таком настроении, что даже Никифорову ничего не сказал про отчёт. Прораб потом полдня ходил и спрашивал у мастеров, не заболел ли я. Здоров, Никифоров. Здоровее всех вас, вместе взятых.

В четверг система даёт сбой, потому что дома меня ждёт Милана. Вернулась от Кристины — мириться, судя по новому платью и ресторанному ужину в красивых коробочках.

А я стою посреди прихожей с тортом «Прага» и плюшевым котиком Басиком в полтора метра ростом.

— Это кому? — Милана упирается взглядом в кота.

— Алёнке.

— Она же живёт у твоей бывшей.

— Ну.

— То есть ты опять к ней едешь. — Милана складывает руки на груди. — Петя, ты к этой женщине мотаешься каждый день! Кристина твой джип у её дома видела уже трижды!

— Пусть твоя Кристина за дорогой следит, а не по сторонам. Я к внучке езжу.

— А торт «Прага» тоже внучке? Двухлетке? С коньячной пропиткой?

Хм. Про пропитку я как-то не подумал.

— К чаю это, — сдаю позиции.

— Знаешь что, Городецкий, — Милана подхватывает свои коробочки, — ты сначала разберись, у кого ты чаи гоняешь!

Дверь хлопает. Басик смотрит на меня с сочувствием.

В пятницу — наша с Лехой баня. Друг поддаёт пару и глядит на меня, как ревизор на накладные.

— Ну, рассказывай, Петруха.

— Чего рассказывать?

— Как чего. Невеста от тебя второй раз за неделю съезжает, а ты сидишь довольный, как после сдачи объекта. Давай про Катерину.

— При чём тут Катерина? Я к внучке езжу.

— К внучке, — Лёха кивает с самым серьёзным видом. — А внучка у нас, значит, уважает торт «Прага» и корзиночки с белковым кремом.

— Откуда ты про корзиночки...

— Оттуда, что ты мне сам вчера полчаса по телефону втолковывал, где в городе правильные. Петь, корзиночки — это же Катькина слабость ещё с института. Я, может, и бетонщик, но не дурак.

— Ты бетонщик и есть, — огрызаюсь я и лезу на верхний полок, подальше от разговора.

Лёха снизу хмыкает и добивает:

— Я тебя тридцать лет знаю. Когда ты Катьку на моём дне рождения первый раз увидел, у тебя было ровно такое же лицо, как сейчас.

— Пар у тебя кончился, — бросаю я и ухожу в предбанник.

Потому что крыть нечем. А признаться Лёхе — всё равно что дать объявление бегущей строкой на всю область.

В субботу утром я честно пытаюсь работать: раскладываю отчёты, звоню на объект, ору на Никифорова для тонуса. К обеду сдаюсь и еду в кондитерскую.

— Вам как обычно? — продавщица уже узнаёт меня в лицо.

Как обычно. Коробку корзиночек с белковым кремом. Алёнке, между прочим, крем нельзя — аллергия, в сумке Алька целый список инструкций накатала.

Ну и ничего страшного. Внучке я Басика везу. А корзиночки бабушка съест. Может, подобрееет...

Глава 6

Катерина

В моём магазине новый предмет интерьера — плюшевый котище ростом с барную стойку. Его приволок Городецкий в субботу, вместе с коробкой корзиночек и заявлением «мимо проезжал». Ну да, ну да... Свежо предание, да верится с трудом...

Котяра теперь сидит в детском углу, Алёнка кормит его картонными пирожными, а я никак не могу привыкнуть, что бывший муж почти поселился в моей кофейне.

Приезжает к открытию, занимает столик у окна, раскладывает свои чертежи и работает. Орёт в телефон на каких-то подрядчиков — вполголоса, потому что я цыкнула, — а в перерывах играет с внучкой в «стройку»: они возводят из книг небоскрёб, и Алёнка командует «клан давай!».

Студенты, моя основная публика, при нём сидят как на экзамене. Зато женская половина покупательниц от него в восторге.

— Какой у вас муж внимательный, — вздыхает одна из постоянных с третьего дома, наблюдая, как Петя завязывает Алёнке бантик.

— Это не муж.

— Ой, простите...

— Это дедушка. В смысле — дед ребёнка... — я запутываюсь окончательно, а покупательница смотрит на меня с таким пониманием, что хочется спрятаться в подсобку.

Лиза, змея, наблюдает за этим со своего поста у кофемашины и наслаждается.

— Катерина Андреевна, а он всегда так на вас смотрит?

— Как?

— Ну-у... как студент на последний пирожок.

— Лиза, у тебя молоко убегает.

Молоко у неё не убегает, у нас вообще плиты нет. Но должна же я была что-то ответить.

В четверг, ближе к обеду, приезжает Мирон. Красивый, в светлой рубашке, с фирменным пакетом из лучшей французской кондитерской, где очередь с утра.

— Катюша, это тебе. Набор макаронс, двенадцать вкусов. Сказали, лавандовый у них самый лучший.

Я расцветаю, и не только из-за миниатюрных пирожных. После водохранилища мы толком не виделись, и вот он здесь, ничего не требует, привёз красоту в коробочке с лентой. Ставлю коробку на банкетку у столика, иду варить ему кофе — а дальше всё происходит стремительно, как обрушение кровли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.